

*Мне посчастливилось в середине июля 2018 года побывать в окрестностях Белухи, священной горы Азии, называемой алтайцами Уч-Сумер – Три священных главы. На обратной дороге из Тунгура я заехал в Верх-Уймон, село, где еще сохранились традиции сибирских христиан дониконианского исповедования. Там я встретился со знаменитой Раисой Павловной Кучугановой. Это заслуженный учитель России, отличник народного образования, призёр премии «Лучшие учителя России», заслуженный работник культуры Республики Алтай, основатель и научный сотрудник Музея истории и культуры Уймонской долины, историк-краевед, этнограф, фольклорист. А проще сказать, это величайшая подвижница. Из тех, на которых и держится современная Россия. От нее я получил тексты духовных песнопений староверов Горного Алтая и непосредственно Уймонской долины. Частично эти тексты присутствуют в новой книге Раисы Павловны «В поисках Беловодья», которая является итогом многолетних трудов по сохранению русского духовно-культурного наследия.*

*Владимир БЕРЯЗЕВ*

## О ПОСЛЕДНЕМ ВРЕМЕНИ

На осьмой ли тыще лет от сотворения  
Света белого настанет потрясение,  
Содрогнется до основы мать сыра земля,  
С полуночи сотрясется-заколеблется,  
Грозным грохотом до бездны недр каменных,  
В помрачении и страхе, преж неведомых,  
От полуночи до алой зори утренней.

Тут к нам спустится на Суд великий праведный  
Сам Исус Христос со Матушкой Владычицей,  
Со пресветлой Госпожою Богородицей  
И со грозным Михаилом ли Архангелом,  
Что ведет с собою всюю силу Господа.  
Глядь – по леву руку встали души грешные,  
А по праву руку встали, словно свеченьки,  
Души верные, избегшие погибели.

А по леву руку будто головни горят –  
Просят души, молят души Мать Владычицу,  
Госпожу нашу пресветлу Богородицу:  
«Уж ты, Матушка Владычица пресветлая,  
Попроси-ка Ты своёго Сына Божия,  
Ой, не может ли он нас спасти-помиловать,  
Муки вечной и погибели избавити?»

«Уж Ты сыне мой, кровинка, Сын возлюбленный,  
А не можешь ли Ты их спасти-помиловать,  
Муки вечной и погибели избавити?»

«Ох ты, родна моя матушка Владычица,  
Пресвятая ты моя Богородица,  
Если хочешь вдругорядь меня ты видети,  
Если хочешь вдругорядь меня ты слышати  
На кресте на окаянном, на распятии,  
Так бы мог я их помилovati, грешников,  
Муки вечной и погибели избавити».

«Уж не дай Ты, Боже, слышати и видети  
Во второй-то раз тебя на распятии.  
Уж вы, ангелы, святые архангелы,  
Вы гоните, вон гоните души грешные,  
Вы гоните их во муку вечную,  
Чтобы слыхом не слыхала плача жалкого,  
Ни рыдания, ни скрежета зубовного».

И проклятия из бездны лишь доносятся:  
«Вы на что ж нас спородили, горю предали,  
Вы каки же нам отныне и отец и мать,  
Коль ко добрым ко делам нас не выучили?!»

«Мы учили вас, учили, вы ж не слушали».

## ПРЕСВЕТЛЫЙ АНГЕЛ ГОСПОДЕН

Пресветлый мой ангел Господен,  
И страж, и хранитель души,  
Ты милостью Богу угоден,  
Ко правде тропу укажи.  
Храни меня всяку минуту  
В отмеряны дни и года,  
Препон дай питанию люту  
И сил для любви и стыда.  
Ты дух, сокрушающий тленье,  
Ты послан мне Богом самим,  
Пролей же во грудь умиление,  
Я жаждою правды томим.  
Здесь путь мой – и узкий, и тесный!  
Смогу ль его прямо пройти?  
Храни ж мя до воли воскресной,  
Чтоб душу сберечь и спасти.  
Меч пламенный в руке горячей –  
Врагов им во прах поразити,  
У Божья престола парящий,  
Помилуй меня и спаси,

Когда я явлюся, ничтожный,  
Пред светочем лика Христа,  
В чем будет ответ мой неложный,  
Напрасно ль отверзну уста?  
Ты жизнь мою знаешь земную,  
Ты верный сопутник души,  
Введи ж мя в обитель родную,  
Всю славу ее покажи.  
Я здесь – неприкаянный странник,  
Я здесь – сирота сиротой,  
Отечества горнего стражду,  
Любови и Славы святой.  
Хвалы возглашу, ангел Божий,  
Я Там, во небесных садах,  
У Троицы райских подножий,  
Где радости песнь на устах.  
Там нету ни слез, ни печалей,  
Ни бед, ни стеснения пут,  
Там будто Творенья в начале  
Лишь реки блаженства текут.  
Венца испроси у Владыки –  
Прощенья для бедной души,  
Пускай прегрешенья велики –  
Страданья Ему покажи!  
Управься с моею судьбою,  
Во благе оставь, на свету,  
Хранитель мой, только с тобою  
Я вечный покой обрету.

## ОТШЕЛЬНИК МЛАДОЙ

Отшельник молодой от начала начал  
Священную книгу постигнуть желал.  
В той книге прочел он, что тысяча лет –  
Пред Богом, как день: промелькнули – и нет.

Сумленье напало на инок тут:  
«Лет тыща ведь всяко не тыща минут!»  
В священную книгу без веры глядит  
И видит, что в келию птичка летит.

Сияет и блещет цветное перо,  
А пух отливает в зерно-серебро.  
Когда ж свои крылья она распахнет –  
То радугой вспыхнет, то златом сверкнет.

Та дивная птичка в полете легка,  
Быстрее и нежнее весны ветерка.  
Присела у двери и звонко поет,  
А радостный инок тихонько встает,

Неслышно подходит, стоит, не вздохнет.  
Рукой потянулся ко гостье, и вот...  
Вспорхнула, летит, а отшельник за ней  
В забвенье выходит из кельи своей,

Идет за ограду и полем цветным,  
А птичка все свищет и свищет над ним,  
Как будто бы манит, как будто зовет,  
Как звездочка, кружит над лугом, поет.

Родной монастырь за пригорком исчез,  
Монах оказался под сенью деревьев,  
Певунья щебечет и манит вперед,  
Под леса густой и неведомый свод.

На дуба вершину присела она,  
Уж пением чудным вся роща полна.  
Восхищенным сердцем, открытой душой  
В восторге внимает отшельник молодой.

Он миг наслаждения ловит, боясь  
С тем пеньем утратить предивную связь.  
Забылся... отраден забвения дым,  
Мир прежний исчез за туманом седым.

Но пенье умолкло, опомнился он:  
«Где ж птица-певица? Исчезла, как сон».  
Взвилась, золотая, как будто стрела,  
Средь неба сокрылась, была – не была.

Вздохнул инок добрый и в келью спешит,  
Казалось – лишь час как покинул он скит.  
В тревоге. Пред братией должно предстать,  
Знать, к трапезе ждут, и нельзя опоздать.

И вот монастырь, только чудно глазам –  
Ограда не та и неведомый храм,  
У входа часовня золотая видна.  
Дивится: откуда взялась она?!

Стучит он в ворота. Привратник идет  
Ему незнакомый, не прежний, не тот.  
Не хочет пустить он в обитель его:  
«Не наш ты, не знаю лица твоего».

«И мне, брат любезный, не ведом твой лик,  
Привратник наш молод, ты ж, вижу, старик.  
Отселя я вышел не боле, чем час,  
С чего бы сменился привратник у нас?»

Служители Спаса – не здесь ли их дом?  
Пооди же к игумну, поведай о сём!»  
Дивится привратник, игумна зовет,  
Идет за игумном весь причет. И вот –

Пред ними монах преклонился лицом...  
Но диво – игумен ему не знаком!  
Меж братии тож не признал никого –  
Он ищет, он ропщет, лик скорбен его.

Он братьям поведал свое, помолясь.  
Монахи внимали ему, изумясь.  
Тут мудрый игумен пришельца спросил,  
Какое он имя в служенье носил.

«Антонием назван в монашестве я,  
При мне был игумен отец Илия».  
Монахи во страхе по книгам глядят,  
Нашли имена те лет триста назад.

«Антоний без вести в день Пасхи пропал.  
Так летопись кажет», – игумен сказал.  
«Бог дивен в деяньях», – пришлец произнес.  
И тут его вид, как возок, под откос

Повергся! Стал старцем. Взор юный угас.  
Три века в нем разом минуло, как час.  
Он пал. Он молился. Два дня протекли.  
Почил. И со честью его погребли.

Ах, Господи Боже, средь неба еси!  
Заплакали братья, дивясь чудеси...

## МОЛЕНИЕ О СПАСЕНИИ

Боже, зри мое смиренье, зри плачевны дни мои,  
Зри с пороками боренье, со лукавым зри бои.  
Смертна тварь, я вновь дерзаю умолять свою Творца,  
Коя смело нарицаю как заступника-Отца.

Укажи пути к спасенью, утверди в груди Закон,  
Дай надежду к воскресенью за чертою похорон.  
Я тебе молитву малу, мой Создатель, возношу:  
Дай покой душе усталой, этой милости прошу.

Тишины лишь среди власти беззакония людей,  
Кои здесь творят напасти токмо волею своей.  
Не на то нам век дарован, чтобы ближнего губить,  
Человеком именован лишь умеющий любить!

## О ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Человек живет, аки цвет цветет –  
Был по утру ал, а к ночи опал.

Таково знатье про житье-бытье:  
Днем он пьян и сыт, во пиру сидит,  
В вечеру ж дрожит, на одре лежит,  
К белой зорьке, глядь, да преставился.

Очи ясные помрачились,  
Уста сахарны заключилися,  
Белы рученьки поприжались  
К ретивому сердцу остылому...

## БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Снег летучий украсил светлицы,  
Лёг у ног серебристой пыльцой.  
Вдоль хором златоглавой столицы  
Санки тащит лошадка рысцой.

Люд на улицах полон смятенья –  
Брань несётся, и крики, и свист...  
Глянь, в санях, не приемля мученья,  
Лик боярыни – светел и чист.

Ввысь подъявши с двуперстьем десницу,  
Под тяжёлые звоны цепей,  
Вновь и вновь оглашает столицу  
Она верною речью своей.

Не страшны уж ни боль, ни страданье,  
Бремя пыток, клеветы и брань –  
Солнце истины, Божье преданье  
Озарило души её рань.

Поменяла пиры и палаты  
На угрюмый сырой каземат.  
Знать, бессмертною верой богата,  
Правда Божья дороже палат.

Уповает она – Слово древле  
И свободу мольбы сохраняя,  
Русь восстанет подобна царевне,  
Свете ону боярыня внемле,  
Прожила ради этого дня...

## ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Житейское море – волна за волной,  
В нём радость и горе, в нём холод и зной.

Никто не ручится, прознав наперёд,  
Что завтра случится, а что через год.

Сегодня богат ты – в пиру, во хмелю.  
А завтра – заплаты, и рад сухарю.

По воле Господней – сума иль тюрьма,  
Змеёй подколодной – сухотка да тьма.

Во счастье и горе – живи, не гордись.  
В житейское море с любовью глядись.

На всё воля Божья! Волна за волной  
Стремятся к подножью судьбины земной.

По звёздам ветрила плывут тишиной,  
А ты, мой Создатель, навеки со мной.

Плыть горней дорогой начертано нам,  
Телесна итога не скрыть временам.

Но тщетно, скаженно для плоти трудясь,  
Кто пользы душевной не внял отродясь?!

О смертной кончине положено знать,  
Скорбеть во кручине, любить и страдать.

Придёт час печален и что принесёт?  
Чем лютой ответишь на гибель-исход!

Ни златом-именьем, ни плачем-мольбой  
Не сдержишь косу, что свистит над тобой.

Тогда не утешат друзья и жена.  
Родителей помощь – уже не нужна.

Житейское море – и плавно лежит,  
Разумных и сильных оно не страшит.

Кто в духа зеркало умело глядит,  
Святое писанье с прилежностью читит,

Тот сможет в день бури и море проплыти,  
И муки, и скорби легко преносити.

## УМОЛЯЛА МАТЬ РОДНАЯ

Умоляла мать родная милу доченьку свою,  
Пред кончиною рыдая, упреждала на краю:  
«Распростиись со мной навеки, ненаглядный цветик мой,  
Заменить во свете некем матерь, данную судьбой.

Мне минута наступила жизнь здешню покидать,  
Скоро хладная могила у тебя исхитит мать.  
Ты, звезда в моёй деснице, не губи своей красы,  
Пожалей себя, девица, не плети ж ты две косы.

Не меняй стезю златую на недолгие цветы,  
На дары, на честь земную, на заботу суеты.  
Хоть ты ныне не богата, среди мира не славна,  
Пташкой Божией – крылата, беспечальна и вольна.

Не забудь себя, родная, твой жених – на Небесах,  
Будь же девой среди Рая со фатою в волосах.  
Рай Христов, златые кущи, вечной радости страна,  
Хороводу дев поющих будешь, лада, отдана.

Царских краше там палаты, вертограды и сады,  
Терема, чертоги златы, дивны ягоды-плоды,  
А луга полны цветами, росы запах издают,  
Чудны рощи со древами, в коих ангелы поют.

Воды плавно катят реки, слёз кристальнее струя,  
Поселись же там навеки, дочь любезная моя.  
И не жди беды-напасти, горя-скорби никакой,  
Все в душе угаснут страсти, Там – нам радость и покой.

Бди себя, другим на диво, осторожна будь в миру,  
И не пей вина ли, пива ни в родне, ни на пиру.  
Не забудь сего совета, Бога чти и помни мать!  
Я ж середь Святого света тебя буду дожидать».

Тут ещё она вздохнула, оградив себя крестом,  
Раз на девицу взглянула и уснула вечным сном.  
Дева слова не забыла, помнит материн наказ –  
Без страстей земного пыла ждёт суждённый Богом час.



## ВЕК ЗЕМНОЙ

Век земной незримо тает,  
Был я, братцы, молодым,  
Вот уж старость подступает,  
Стал сутулым и седым.

Не горят, как прежде, очи,  
Сквозь очки гляжу на свет,  
И ходить не стало мочи,  
Затужил на стуле дед.

Вспомните, родны дети,  
Мои силы и труды.  
Всё предивное на свете,  
Экипажи и сады,

Всё именье нажитое  
Я тому бы подарил,  
Кто мне время молодое  
Снова разом возвратил.

Но, увы, того не будет,  
Не вернуть назад лета!  
Ожидаю, добры люди,  
Лишь погоста и креста.

На коленях пред иконой  
Я слезами обольюсь –  
Утешенье сердцу оно,  
Коли Господу молюсь.

Испрошу его решенья  
Перед Небом и людьми:  
«Ты прости мне прегрешенья  
И под свой покров прими».

## АВВАКУМ ПЕТРОВ

По Даурии дальней и дикой  
Воеводы ступает отряд.  
В том отряде во скорби великой,  
Обречённый на муку стократ,

Протопоп непокорный шагает,  
С ним жена и малы сыновья.  
Охранит только воля благая  
Путь изгнанья в глухие края.

Сколь жестокий за проповедь праву  
Царской волею вынесен суд!  
Слово веры греху не по нраву,  
Вот за что поруганье несут.

То не солнце над ними сияет,  
То не отдых во радости ждёт,  
То мороз до костей пробирает,  
То буран снежной плетью сечёт.

Уж от голода силы теряя,  
Глухо стонет во скорби жена,  
Дети жмутся к ней, горько рыдая,  
И пеняет на долю она:

«Ах, Петрович, и долго ли муку  
Нам за веру и правду нести?  
Кто подаст нам спасения руку?  
И доколе пустыней брести?»

Аввакум ей: «До самая смерти,  
Стал быть, Марковна, знать, до неё».  
Пред сияньем божественной тверди  
Молвил он это слово своё.

«Ин еще побредем, правый Боже!» –  
Отвечала смиренно жена.  
Знать, ей вера и правда дороже  
Лет покоя, здоровья и сна.

Снова ветер Даурии дикой  
Заунывную песню поёт.  
Снова отзвуки речи великой  
Слышит русский христовый народ.

Этой речи со трепетом внемлют  
Поругатели правды святой.  
Но надежду и радость приемлют  
Все, кто верит заре золотой.